

В. А. Космач

Витебский государственный
университет имени П. М. Машерова

СТО ЛЕТ РАПАЛЛО: СТРАНИЦЫ И УРОКИ ИСТОРИИ

Статья посвящена известному в истории советско-германских и германо-советских отношений, в истории дипломатии и международных отношениях после окончания Первой мировой войны Рапальскому договору, подписанному во время работы международной конференции в Генуе, в её предместье – Рапалло, между делегациями германской Веймарской республики и Советской России. Рапальскому договору в апреле 2022 г. исполнилось ровно 100 лет. Его содержание и уроки, а также сотрудничество между Берлином и Москвой до сих пор актуальны и не теряют своего геополитического и исторического значения, а также вызывают дискуссии в исторической науке и дипломатической практике.

После поражения в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Германия оказалась в неблагоприятной ситуации, фактически в изоляции и на положении изгоя в европейской политике и международных отношениях. В Версале она была не только наказана, но и привязана намертво к Антанте. Не лучшая обстановка сложилась вокруг Советской России. Всё это вынудило Берлин и Москву пойти на тесное сотрудничество, в том числе военное, а в апреле 1922 г. во время работы международной экономической конференции в Генуе подписать договор в Рапалло. После этого, на основе Рапальского договора, между Германией и Советской Россией, а затем СССР начались активные взаимовыгодные связи и сотрудничество во всех областях (политической, торгово-экономической, военно-технической, научной и духовно-культурной) на протяжении 1920 – начала 1930-х годов, получивших в исторической литературе название «политика Рапалло».

Цель данной статьи состоит в том, чтобы раскрыть ключевые мотивы и причины, приведшие Германию и Россию к подписанию договора в Рапалло в апреле 1922 г., а также показать те оценки, которые были даны Рапальскому договору современниками – политиками, дипломатами, представителями бизнеса, научной и культурной интеллигенции. Сделана попытка оценить историческое значение и уроки Рапалло для современных международных отношений и геополитики, в том числе для российско-германских и белорусско-германских отношений на современном этапе. Историко-описательный, историко-сравнительный и историко-аналитические методы исследования положены автором в основу написания данной статьи.

Генуэзская конференция открылась 10 апреля 1922 г. в зале сделок старинного дворца Сан-Джорджо. Всего было представлено 29 стран, а с английскими доминионами – 34. После открытия конференции итальянским премьером Л. Факта, избранным председателем, была произнесена речь, в которой прозвучал призыв к «восстановлению торговых связей с Центральной и Восточной Европой, с крупнейшим рынком Европы – Россией...» Он отметил, что Генуэзская конференция созвана на основе каннских резолюций и что державы, принявшие приглашение на конференцию, тем самым приняли принципы, содержащиеся в каннских резолюциях [1, с. 49–80; 2, с. 173; 3, с. 42].

Вторым выступил британский премьер Д. Ллойд Джордж. Он сказал: «Мы участвуем на этом собрании на началах абсолютного равенства. Это лишь в том случае, однако, если принимаем равные условия» [4, с. 169]. Под «равными условиями» он подразумевал условия, установленные в Каннах. Д. Ллойд Джордж говорил об экономической разрухе в Европе, одолеть которую можно только совместными усилиями. В связи с этим он, выразил сожаление, что США не участвуют в конференции. Французский министр иностранных дел Л. Барту поддержал прочих ораторов в вопросе о каннских резолюциях и категорически заявил, что Франция не допустит обсуждения версальских соглашений, т.к. конференция в Генуе не является кассационной инстанцией, подвергающей пересмотру существующие договоры [4, с. 169].

Йозеф Вирт, канцлер Германии говорил на немецком языке, монотонно и утомительно жалуясь на положение Германии. Ссылаясь на «особое место, занимаемое Германией», на ее центральное географическое положение в Европе и «тесные связи со всем мировым хозяйством», Й. Вирт в довольно туманных выражениях протаскивал идею создания международного консорциума западных стран для совместной эксплуатации Востока. Его длинная речь утомила всех делегатов, в зале начался легкий шум, разговоры, движение. Речь Й. Вирта была очень длинна. По этому поводу один из журналистов сострил, что германский делегат решил перенести всю тяжесть германских репараций на своих слушателей [4, с. 169].

На конференции в Генуе были созданы четыре комиссии: политическая, или «русская», финансовая, экономическая, транспортная. Во все комиссии входили делегаты от Англии, Франции, Италии, Германии и России. Остальные страны совместно избирали по несколько делегатов в каждую комиссию. 11 апреля 1922 г. советской делегации был вручен меморандум лондонских экспертов от 28 марта. Он содержал требование об уплате советским правительством всех долгов дореволюционных и белогвардейских правительств, реституции национализированной собственности иностранцев, установления системы капитуляций в России, отмены монополии внешней торговли, отмены коммунистической пропаганды во всех странах. Сумма долга, предъявленного России, составляла 18 млрд. рублей. Это были по истине хищнические домогательства, на удовлетворение которых большевики никогда бы не пошли [4, с. 172–174; 2, с. 174].

14 апреля 1922 г., в 10 часов утра, на вилле Альбертис (резиденции Д. Ллойд Джорджа) состоялась встреча представителей делегаций Великобритании, Франции, Италии, Бельгии и России. В основу переговоров западные державы предложили положить лондонский меморандум экспертов. Советская делегация решительно отвергала этот проект. Она отклонила требование о возвращении национализированной собственности иностранцев, об уплате долгов дореволюционных правительств и в свою очередь выдвинула контрпретензии в 39 млрд. рублей за ущерб, причиненный иностранной интервенцией хозяйству Советской России, что составляло свыше четверти довоенного богатства России [4, с. 174–178; 2, с. 174–175].

По поводу военных долгов Г. В. Чичерин обосновал отказ их возврата тем, что Россия понесла 54 % всех потерь Антанты в Первой мировой войне и таким образом заплатила кровью, а все прибыли достались исключительно другой стороне. Желая, однако, найти почву для соглашения и установления деловых связей с иностранным капиталом, советское правительство согласилось признать за пострадавшими иностранными гражданами, право на возмещение убытков. Однако непременным условием оно ставило соблюдение взаимности. Таким образом, убыткам иностранных граждан от действий Советской власти был противопоставлен ущерб, причиненный России интервенцией [5, с. 92].

Д. Ллойд Джордж и Л. Барту предупредили советскую сторону срывом конференции в случае, если предложения Антанты не будут приняты. По поводу заявки суммы советской контрпретензии Д. Ллойд Джордж сказал: «Если вы с этим приехали в Геную, можно было совсем не приезжать». Английские дипломаты дали понять, что за отказ Советской России от контрпретензий они готовы уменьшить военные долги и продлить срок уплаты процентов по ним. Однако Л. Барту выступил против этого компромисса. Переговоры на вилле Альбертис, продолжавшиеся и 15 апреля, не дали результата [2, с. 175].

Все время пока шли переговоры на вилле Альбертис, Генуя переживала тревогу. Большинство склонялось к выводу, что Советы добьются соглашения с Антантой за счет Германии. Все это беспокоило В. Ратенау и О. Мальцана, которых англичане и французы фактически отстранили от дел конференции. Американский внешнеполитический эксперт Ф. Кеннан в своей книге «Россия и Запад» пишет по этому поводу: «В субботу (15 апреля) усилились слухи о соглашении англичан и французов с русскими, немцы оставались все в том же полном неведении о ходе переговоров. Весь вечер они мрачно сидели в вестибюле их отеля и, наконец, отправились спать в состоянии крайнего утомления и упадка духа». А лорд д'Абернон так повествует о состоянии немцев в этот момент: «К германской делегации

в Генуе стали поступать неофициальные сведения из различных источников..., что Россия пришла к соглашению с Англией и Францией, а Германия оставлена в стороне. Ратенау был в отчаянии. Все его планы рушились. Германская делегация всесторонне обсудила положение и в конечном результате решила, что в настоящий момент ничего нельзя предпринять» [5, с. 93].

О растерянности немцев знали в кругу советской делегации. Примерно в 1 час 15 минут пополудни на Пасху, 16 апреля, А. В. Сабанин, член советской делегации на Генуэзской конференции, позвонил Отто фон Мальцану (статс-секретарю германского МИДа и члену немецкой делегации в Генуе) и сообщил, что Г. В. Чичерин и советская делегация хотели бы возобновить переговоры, пригласив германскую делегацию в отель «Палаццо Имперiale» к 11 часам утра. Тогда же, ночью, четверть часа по телефону беседовали Г. В. Чичерин и О. Мальцан, подробности их разговора О. Мальцан рассказал В. Ратенау. Советские предложения были весьма серьезными и немецкая делегация ночью, в пижамах, долго обсуждала их в ракурсе общей ситуации, сложившейся на Генуэзской конференции. В результате этого «пижамного совещания» немцы решили принять советское предложение о возобновлении переговоров, о чем и сообщили советской делегации примерно в 5 часов утра. Немецкая делегация прибыла в «Палаццо Имперiale» 16 апреля, около полудня, и в резиденции советской делегации Г. В. Чичерин и В. Ратенау оговорили все детали соглашения, по которому обе стороны вели переговоры еще до Рапалло, в Берлине. В 18. 30 вечера, 16 апреля 1922 г. Рапалльский договор между Германией и Советской Россией был подписан [1, с. 70; 3; 6]. Текстом договора, его подготовкой, согласованием и уточнениями занимались непосредственно О. фон Мальцан и М. М. Литвинов.

Согласно ст. 1 этого договора стороны взаимно отказались от всяких финансовых претензий друг к другу (возмещение военных расходов и убытков, включая реквизиции, невоенных убытков, расходов на военнопленных). Для Советской России ст. 1 означала отказ от претензий на репарации с Германии. В ст. 2 был особо закреплён отказ Германии от претензий на возмещение за национализированную частную и государственную собственность при условии, что правительство РСФСР не будет удовлетворять аналогичных претензий других государств. Договор предусматривал восстановление дипломатических и консульских отношений между двумя странами (ст. 3), а также развитие экономического сотрудничества и торговли на основе принципа наибольшего благоприятствования (ст. 4). В ст. 5 была зафиксирована готовность германского правительства «оказать возможную поддержку сообщенным ему в последнее время частными фирмами соглашениям и облегчить их проведение в жизнь». Постановления договора вступали в силу немедленно. Лишь пункт «б» ст. 1 об урегулировании публично- и частноправовых отношений и ст. 4 о наибольшем благоприятствовании вступали в силу с момента ратификации [7–9].

В дополнение к договору подписавшие его Г. В. Чичерин и В. Ратенау обменялись письмами, не подлежавшими опубликованию. В них стороны подтвердили, что в случае признания Россией упомянутых в ст. 2 претензий в отношении какого-либо третьего государства, урегулирование этого вопроса станет предметом специальных переговоров в будущем, причем на такой основе, что с бывшими немецкими предприятиями должны поступать так же, как и с однотипными предприятиями этого третьего государства. Другими словами (словами М. Литвинова, члена советской делегации на Генуэзской конференции), в случае удовлетворения Россией претензий третьих стран в отношении национализированного имущества «немцы ставятся в такое же положение». По сути, речь шла о применении принципа наибольшего благоприятствования. Кроме того, германское правительство обязалась не участвовать в сделках международного экономического консорциума в России, предварительно не договорившись с правительством РСФСР [4, с. 94].

Договор, как уже общепризнано, не содержал никаких тайных договоренностей о военном союзе, однако текст ст. 5 договора опосредованно представляет собой договоренность о военно-промышленном сотрудничестве. Весьма показателен тот факт, что для участия в Генуэзской конференции, темой работы которой были торгово-экономические вопросы, в состав германской делегации был включен преемник генерала В. Хайе на посту начальника

генерального штаба рейхсвера генерал-майор О. Хассе. По мнению германского исследователя Х. Р. Берндорфа, «Рапалльский договор был подготовлен в ходе тесных и секретных обсуждений между г-ном д-ром Ратенау и г-ном фон Сектом», которые происходили по инициативе и в квартире К. Шляйхера. Канцлер И. Вирт об этом, естественно, знал. Более того, вопрос о сближении с Россией был предreshen в ходе его бесед с Г. фон Сектом и директором Восточного отдела и статс-секретарем германского МИДа О. фон Мальцаном. Это видно из исследований другого германского историка Х. Хельбига. О факте подписания Рапалльского договора О. Хассе немедленно информировал Г. фон Секта, который приветствовал договор словами, что «наконец-то предпринята попытка проведения активной политики». Весьма активно участвовал в обозначенных переговорах с советской стороны Карл Радек [5, с. 94–95].

Французский премьер Р. Пуанкаре в письме английскому послу от 2 мая 1922 г., оценивая складывавшиеся отношения Москвы и Берлина, писал, что «общая склонность германской политики к сближению с Россией благоприятствует зарождению военного сотрудничества обеих стран». Р. Пуанкаре и французские военные уже через неделю после подписания Рапалльского договора стали активно говорить об оккупации Францией сопредельных германских территорий, и прежде всего Рура, в ответ на сближение Берлина и Москвы [5, с. 95].

Сразу же после подписания документа распространились слухи о секретных военных поставках, оговоренных в Рапалльском договоре. Историки до сих пор ведут споры по этому вопросу. Л. Д. Троцкий начал переговоры с германскими военными промышленниками в начале 1921 г., используя в качестве посредника Виктора Коппа, бывшего меньшевика, поддерживавшего обширные контакты в Центральной Европе. Красной Армии крайне необходимо было современное военное снаряжение, которое советская промышленность, находившаяся в процессе восстановления и нуждавшаяся в сложном современном оборудовании, не могла поставить. Уже 7 апреля В. Л. Копп сообщил, что германские промышленники, которым, согласно Версальскому договору, было запрещено производить оружие и военное снаряжение, заинтересованы в поставках оборудования и технических специалистов для налаживания в Советской России производства пушек, самолетов и военного снаряжения. В переговорах принимали участие и представители рейхсвера. Версальский договор строго ограничил численность германской армии и запретил проведение военных наборов. Генерал Ганс фон Сект, глава сухопутных сил рейхсвера, согласился организовать обучение красноармейцев в обмен на возможность тайно тренировать немецкий военный персонал в Советской России [2, с. 179–180].

Вопрос в том, была ли какая-то связь между этими переговорами и соглашением, достигнутым в Рапалло, или же те и другие переговоры велись параллельно и независимо друг от друга. Ключевую роль в этом предприятии играл Л. Д. Троцкий. Его главный биограф Исаак Дойчер настаивает на том, что «Политбюро уполномочило Троцкого вести эти переговоры в строжайшей тайне и он держал в своих руках все нити переговоров в период предварительного обсуждения условий Рапалльского договора до той поры, пока не были задействованы дипломаты». Утверждение И. Дойчера нуждается в проверке, поскольку тайное военное соглашение между Германией и Советской Россией было подписано 29 июня 1922 г. в качестве предварительной торговой конвенции. Оно было ратифицировано лишь в феврале 1923 г. В соответствии с одной из версий это соглашение было лишь тайным дополнением к условиям Рапалльского договора, основные положения которого были предварительно разработаны во время совещаний в Берлине и позже – во время переговоров в Италии. Существует по крайней мере «относительная вероятность» причастности военных соглашений к Рапалльскому договору. Если это так, военные переговоры проводились исключительно Л. Д. Троцким и другими членами советского правительства. Однако нет никаких документальных доказательств, что Г. В. Чичерин принимал участие в военных переговорах с немцами в Берлине или в Генуе. Большинство историков отрицает связь Рапалльского договора с какими-либо военными переговорами, настаивая на том, что договор не содержал

никаких тайных пунктов, а также на том, что рейхсвер не имел отношения к подписанию договора и к его окончательным условиям [2, с. 180].

По словам секретаря советской делегации в Генуе Бориса Ефимовича Штейна подписание и опубликование (18 апреля) Рапалльского договора «произвело впечатление разорвавшейся бомбы». Германия и Советская Россия действительно преподнесли Антанте «пасхальное яичко». 4 июля 1922 г. рейхстаг единогласно, что было исключительным случаем (он повторился лишь однажды – в 1926 г., когда рассматривался Берлинский договор между Германией и СССР), ратифицировал Рапалльский договор, а 5 ноября в Берлине был подписан договор о распространении его положений на союзные РСФСР советские республики, в том числе на Белорусскую ССР. От имени Германии соглашение о распространении на союзные с РСФСР республики договора, заключенного 16 апреля 1922 г. в Рапалло между Советской Россией и Германией, подписал заведующий восточным отделом МИД А. фон Мальцан, от имени РСФСР и союзных республик полпред Советской России в Германии Н. Н. Крестинский. Он распространял статьи Рапалльского договора на отношения Германии с Украинской ССР, Белорусской ССР, Грузинской ССР, Азербайджанской ССР, Армянской ССР и Дальневосточной Республикой. Специальными нотами, которыми обменялись канцлер Германии Й. Вирт и советский полпред Н. Н. Крестинский 5–10 ноября 1922 г., было подтверждено, что подписание договора означает признание германским правительством де-юре правительств указанных республик [5, с. 96–97; 10, с. 27].

По ст. 2. договора Германия и Украина оговорили свое право взаимно установить размер претензий, возникших в связи с пребыванием германских войск на территории Украины. Договор определял юридические последствия, вытекавшие из распространения Рапалльского договора на союзные республики. Они получили право открывать свои торговые бюро в Германии (ст. 4). Статья 5 определяла основные положения для экономических отношений Германии и союзных РСФСР республик. Статья 7 гласила: «Представительства обеих сторон и работающие в них лица обязаны воздерживаться от всякой агитации или пропаганды против правительства или государственных установлений государства, в коем они пребывают». Как покажет время, это будет наиболее уязвимая с обеих сторон статья, но в плане пропаганды и агитации Москва превзойдет Берлин в разы. Большевистская, коммунистическая пропаганда Советской России в Германии будет весьма и весьма активной, и достаточно агрессивной. Какого ж либо упоминания соглашения от 6 мая 1921 г. договор не содержал, но включал некоторые статьи, касающиеся прав граждан и юридических лиц сторон [9].

В период с ноября 1922 г. по февраль 1923 г. договор был ратифицирован союзными РСФСР республиками. Рейхстаг ратифицировал его 31 августа 1923 г. Обмен ратификационными грамотами состоялся 26 апреля 1923 г. Заметим, что союзные РСФСР среднеазиатские республики в сферу действия Рапалльского договора по настоянию германской стороны включены не были, что было уступкой Берлина Великобритании. На следующий день после подписания договора, 6 ноября 1922 г., О. Мальцану позвонил английский посол Д'Абернон, чтобы поблагодарить за присланный ранее проект договора и выразить надежду, что рапалльские статьи будут распространяться только на поименованные в тексте договора советские республики и ни на какие другие. О. Мальцан записал, что он решительно заверил в этом английского посла [1, с. 95].

Вскоре Германия и Советская Россия обменялись послами. В Берлине продолжил свою работу в качестве советского полпреда Николай Николаевич Крестинский (1883–1938), работавший в этой должности в 1921–1930 гг., а 22 сентября 1922 г. послом Германии в РСФСР (потом – СССР, по 1928 г.) был назначен У. фон Брокдорф-Ранцау. В истории Германии и Советской России (СССР) начался период плодотворного сотрудничества во всех областях – дипломатии, политике, торговле, научных и культурных областях, военном сотрудничестве. Это сотрудничество достигло апогея в конце 1920-х – начале 1930-х годов. В этот период Германия вновь стала важнейшим торговым партнером Советского Союза. Основу сотрудничества составляли экономические соглашения 1925 и 1933 годов. Если в 1923 году доля СССР в германском импорте составляла 1,5 %, то в 1932 году она выросла до

5,8 %. В том же году Советский Союз – как и Российская империя в 1914 году – получал 47 % своего импорта из Германии. Договор в Рапалло предоставлял большие экономические выгоды для Германии. Его плодотворные результаты сказались уже к концу 1922 г. Экспорт из Германии в РСФСР вырос со 160,2 млн рублей в 1921 г. до 367,1 млн рублей, т. е. более чем в два раза [5, с. 97–98].

«Подписание Рапалльского договора, – подчеркивает в одной из своих работ известный российский историк Леонид Николаевич Нежинский, – имело большое значение для Советской России и Германии. Его появление помогало германскому государству выйти из состояния внешнеполитической блокады вокруг Советской России. Договор демонстрировал возможность осуществления на практике провозглашаемого Москвой принципа мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества государств с различным строем, двух систем собственности – социалистической и капиталистической. Наконец, то обстоятельство, что договор заключили два крупнейших европейских государства, объявившие о взаимном аннулировании всех имевшихся до того претензий, создавало определенные предпосылки для формирования новой конфигурации в расстановке политических сил на европейском континенте в целом». Подобных оценок придерживались видные советские историки-германисты Л. И. Гинцберг, А. А. Ахтамзян, И. К. Кобляков, И. А. Росенко, С. Р. Сухоруков, Г. М. Трухнов [5, с. 98].

В тех условиях обоим участникам Рапалльский договор принес серьезные выгоды: во-первых, это взаимное аннулирование всех претензий; во-вторых, восстановление дипломатических отношений; наконец, в-третьих, экономическое сближение России и Германии. Таким образом, разрывалось кольцо экономической и политической блокады вокруг Советской России, для которой договор с Германией был первым полномасштабным договором с великой державой. Для Германии это был первый равноправный договор с великой державой после Версальского мира. Для обеих стран соглашение означало выход из внешнеполитической изоляции. Его благотворные результаты сказались уже к концу 1922 г. Экспорт из Германии в РСФСР вырос более чем в два раза, а импорт – в 14 раз. Но не только торговцы, но и немецкие военные стремились к связям с Советской Россией. Их старания увенчались успехом, и тайное сотрудничество с Красной Армией дало им возможность проводить те испытания, которые были им запрещены Версальским мирным договором [11; 12; 13; 14; 15].

Рапалльский договор «без аннексий и контрибуций» был важнейшим вкладом в укрепление советско-германских отношений и обеспечение мира в Европе. К несколько иным, но очень интересным выводам приходит Г. Киссинджер в оценке Рапалло: «Рапалло впоследствии стало символом советско-германского сближения, ...будучи просто одной из судьбоносных случайностей, казавшейся неизбежной лишь в ретроспективе: случайностью это было лишь в том смысле, что ни одна из сторон не планировала это событие именно тогда; неизбежной она была потому, что западные союзники предопределили ее, подвергнув остракизму две крупнейшие континентальные державы, посредством создания пояса малых, враждебных друг другу, государств, а также посредством расчленения как Германии, так и Советского Союза. Все это создавало максимум побудительных мотивов, как для Германии, так и для Советского Союза преодолеть идеологическую вражду и сотрудничать в деле подрыва Версаля.

Рапалло ...символизировало всепобеждающую общность интересов, сводившую воедино советских и германских лидеров вплоть до самого конца межвоенного периода. Джордж Кеннан приписывал это соглашение отчасти советской настойчивости, отчасти отсутствию единства среди стран Запада... Ясно, что демократические страны Запада были глупы и близоруки...» [5, с. 99]. Заметим в общем плане, что Рапалльский договор на протяжении десятков лет был объектом пристального внимания политиков и общественности разных стран, становился неоднократно предметом дискуссий историков и политологов.

Через два дня после подписания Рапалльского договора правительства стран Антанты, Малой Антанты, Польши и Португалии адресовали Германии ноту. Они обвинили Германию

в нелояльности и нарушении каннских резолюций, в том, что немецкие представители «заключили тайно, за спиной своих коллег, договор с Россией». Германию фактически исключили из политической комиссии Генуэзской конференции. Репарационная комиссия потребовала немедленной присылки официальной копии этого документа, чтобы судить, не наносит ли советско-германский договор ущерба правительствам, создавшим репарационную комиссию. Дипломаты Антанты утверждали, что советско-германский договор нарушает ряд пунктов Версальского договора, хотя многие видные юристы международники считали, что между двумя документами нет юридических противоречий.

21 апреля 1922 г. после значительных колебаний немцы ответили на ноту Антанты, что Рапалльский договор ни в какой мере не затрагивает отношения третьих держав с Россией. 23 апреля союзники послали новую ноту канцлеру Й. Вирту. В ней по предложению Л. Барту говорилось, что правительства Антанты оставляют за собой «полное право считать недействительными и несостоявшимися все те постановления русско-германского договора, которые будут признаны противными существующим договорам» [5, с. 99–100].

В самой Германии договор в Рапалло с русскими приветствовался среди значительной части политической элиты, бизнес-кругов, крупных промышленников и финансистов, научной и творческой интеллигенции, трудовых сословий, где были сильны симпатии к Советской России и левым (КПГ). Как уже говорилось выше, Рапалльский договор был ратифицирован рейхстагом 4 июля 1922 г. практически единогласно.

Коммунистическая партия Германии (КПГ) опубликовала воззвание, в котором приветствовала договор в Рапалло. В другом документе партии подчеркивалось, что «договор только тогда приобретет значение для обеих сторон, когда германское правительство и германские промышленники постараются немедленно возобновить экономические связи с Советской Россией в крупном масштабе». По призыву КПГ в ряде крупных городов Германии состоялись многотысячные демонстрации рабочих в поддержку Рапалльского договора. Одобряли его и приверженцы двух социал-демократических партий (СДПГ, НСДПГ), хотя большинство лидеров СДПГ отнеслось к договору двойственно, а президент Ф. Эберт выступал против подписания Рапалльского договора и после «ослушания» Вирта резко изменил свое отношение к нему в негативную сторону.

Весьма положительные отклики на Рапалло раздавались и со стороны различных политических группировок немецкой буржуазии. Так, Г. Раумер писал Г. Штреземану, что договор принес Германии существенный и долговременный политический выигрыш. Г. Раумер, несмотря на принадлежность к Народной партии, и в последующие годы занимал, как и Й. Вирт, последовательную позицию в вопросе о дружественных отношениях с Советской Россией (затем СССР). Депутат прусского ландтага от Демократической партии О. Нушке в преддверии Генуэзской конференции выступил в ландтаге с яркой речью, в которой заявил: «Меня не устраивает, что немецкие генералы вновь и вновь напоминают о себе, требуя «интервенции против большевизма». Я считаю своим долгом констатировать здесь, что значительная масса не только немецких рабочих, но также и немецкой буржуазии решительно осуждает такую политику вечной войны... У нас есть все основания установить как можно более дружественные отношения с великим русским народом... Если мы собираемся завязать непосредственные связи с какой-либо страной, то совершенно естественна необходимость признать те силы, в руках которых там находится политическая власть. Надо покончить с прошлым и признать советское правительство в политическом отношении». 18 апреля 1922 г. он же писал в «Берлинер фолксцайтунг», что Рапалло – это примечательный и заметный этап на пути к умиротворению Европы и мирному взаимопониманию между народами. Видный деятель НДП Л. Хаас заявил, что впервые после начала Первой мировой войны заключен мир, базирующийся на разуме и человеческом взаимопонимании. Редактор популярного левобуржуазного еженедельника «Тегебух» С. Гроссман назвал Рапалльский договор эпохальным документом. Высокую оценку дал ему известный историк Г. Дельбрюк [2, с. 200–201].

В ходе обсуждений в рейхстаге деятельности германской делегации на Генуэзской конференции даже социал-демократы были вынуждены твердо поддержать «политику Рапалло».

Бывший рейхсканцлер Г. Мюллер отметил, что широкие массы людей в Германии восприняли Рапалльский договор с радостью, так как впервые увидели в нем подлинно мирный договор, заключенный правительствами двух стран, но нашедших отклик в душах народов, которые данные правительства представляют. В этом акте нет ничего от духа Брест-Литовского, Версальского и Сен-Жерменского договоров. Именно этим Рапалло вызвало симпатии самых широких масс немецкого и русского народов.

Огромную роль в подписании Рапалльского договора сыграл Й. Вирт. Окончательно к этому его подтолкнули закулисные интриги во время работы Генуэзской конференции и в особенности опасения того, что переговоры англичан с русскими увенчаются успехом и тогда вступит в силу статья 116 Версальского мирного договора, согласно которой РСФСР могла претендовать на репарации с Германии. Теперь Й. Вирт решительно выступал за заключение договора с Советской Россией, исходя из того, что он нужен Германии независимо от того, как его воспримут другие государства. Было принято решение продолжить переговоры с русскими, начатые еще в Берлине. Рейхсканцлер оказал энергичную поддержку О. Мальцану, причем она предполагала подписание договора самим Й. Виртом, если В. Ратенау не преодолеет своих колебаний. Несовпадение позиций Й. Вирта и В. Ратенау в вопросе о германо-советском сближении было очевидным. Так, известный либеральный историк Э. Трельч в июне 1922 г. писал: «Мнения о Рапалло различны, но в любом случае этот договор – заслуга не Ратенау ... за что его (договор) принимают. Ратенау скорее владел сомнениями. Договор – прежде всего детище Восточного отдела МИД и рейхсканцлера, которые полагали, что предотвращают этим угрозу изменения ситуации к нашей невыгоде» [5, с. 102].

Видный деятель Народной партии (ННП) В. Рейнбабен, являвшийся решительным сторонником «рапалльской политики» и близкий к О. фон Мальцану, передает в своих воспоминаниях рассказ последнего о перипетиях, связанных с подписанием договора. По словам О. фон Мальцана, после телефонного приглашения со стороны советской делегации он сообщил об этом В. Ратенау, который был очень обрадован известием, но реагировал так: «Сейчас я направлюсь к Ллойд Джорджу и сыграю за счет русских». Он отказался от своего намерения лишь после того, как О. Мальцан пригрозил немедленной отставкой. Другой деятель ННП Г. Раумер, входивший в состав германской делегации в Генуе, свидетельствует, что для В. Ратенау определяющей была возможная реакция западных держав на соглашение Германии с Советской Россией. На вопрос В. Ратенау «Что же мне делать?» Г. Раумер, по его словам, сказал: «Перед Вами выбор – стать Каприви или Бисмарком» [5, с. 102].

Статс-секретарь министерства финансов К. Бергман, хорошо знавший закулисную сторону дела, подтверждает, что В. Ратенау лишь тогда дал убедить себя подписать договор с русскими, когда стало ясно, что Й. Вирт и без него подпишет. Окончательно это определилось во время «пижамного совещания» в ночь с 15 на 16 апреля (1922 г.), последовавшего за телефонным приглашением, сделанным немцам представителем советской делегации, прибыть на следующий день в Рапалло для завершения переговоров. В. Ратенау, оказавшийся в изоляции, согласился, хотя и против воли, направиться утром в Рапалло [5, с. 102–103].

Говоря об уроках Рапалло следует отметить несколько важных моментов:

1. Рапалльский договор был выгоден обеим сторонам, особенно в торговле и военном сотрудничестве. На фоне Рапалло и в его русле между Берлином и Москвой усиленно развивались политические и дипломатические отношения, торгово-экономические, а также научные и культурные связи. Но стержень Рапалло в германо-советском и советско-германском сотрудничестве 1922–1932 гг. составляли военно-политические отношения, а также военное и военно-техническое взаимодействие двух держав. С помощью Рапалльского договора Берлин и Москва успешно блокировали Польшу, а также не менее успешно решали свои проблемы в Прибалтике и Восточной Европе в целом. Так, например, с помощью Рапалльского договора Москва усложнила деятельность российской («белой»), белорусской и украинской эмиграции в Германии, а Берлин блокировал возможный рост революционной агитации Коминтерна и Москвы у себя в стране. Рапалло было также противовесом Западу во внешней политике и геополитике как Веймарской Германии, так и СССР. Короче говоря, это была политика взаимовыгодного сотрудничества двух государств и народов.

2. Вместе с тем, позитивную значимость и сам «дух Рапалло» нельзя преувеличивать, поскольку подозрений между Берлином и Москвой подписанный в апреле 1922 г. Рапалльский договор полностью не снял. Сказывалось то, что это были государства разных систем. В Германии среди политической, гражданской и военной элиты, а также среди простых немцев было много тех, кто ненавидел большевизм и власть Советов в Советской России и СССР. Они предпочитали западную ориентацию, западные ценности. В СССР же были сильны идеи мировой пролетарской революции, которую Москва стремилась разжечь и в Германии, используя Коминтерн. Поэтому Рапалло действительно было только «общностью судьбы» (Schicksahlgemeinschaft), но не стало «общностью целей» (Zwecksgemeinschaft) в отношениях двух государств после окончания Первой мировой войны, которая поставила обе страны в крайне трудное и невыгодное положение.

3. «Новое Рапалло» в отношениях Берлина и Москвы уже невозможно. Сотрудничество, – да, а политика Рапалло нет. Может только присутствовать «дух Рапалло», но не больше. Вместе с тем, в двух случаях может возникнуть «призрак Рапалло». В случае, если реально возникнет Черноморско-Балтийский союз (ЧБС) государств из Прибалтики, Беларуси, Украины и Польши, и в случае, если разразится Третья мировая война, которую Германия и Россия проиграют. Но подобное вряд ли произойдёт.

4. Рапалльская политика – это отношения двух государств (СССР и Германии) в результате их изоляции и изгойства Берлина и Москвы в международных отношениях и геополитике со стороны Антанты и Запада. Рапалло – это сотрудничество новых политических элит, свергших монархии и проигравших Первую мировую войну, и по этим причинам вынужденных сотрудничать и поддерживать друг друга, имея при этом свои конкретные и разные интересы. Как тогда образно говорили, у Москвы в руках в отношении Берлина были две дубинки – одна торговая другая – Коминтерновская, у Берлина в отношении Москвы – тоже две – торговая и западная (антантовская, проамериканская). Поэтому рапалльский курс в советско-германских и германо-советских отношениях не мог быть долговечным! Он и так продолжался достаточно долго – почти десять лет.

Источники и литература

1. Ахтамзян, А. А. Рапалльская политика. Советско-германские отношения в 1922–1932 годах / А. А. Ахтамзян. – М.: Международные отношения, 1974. – 304 с.
2. Космач, В. А. От Компъена до Рапалло и оккупации Рура. Внешняя политика Веймарской Германии после Первой мировой войны (1918–1923 гг.): Страницы истории / В. А. Космач. – Псков: ФГБОУ ВПО «Псков ГУ», 2017. – 552 с.
3. Любимов, Н. Н., Эрлих, А. Н. Генуэзская конференция. Воспоминания участников / Н. Н. Любимов, А. Н. Эрлих. – М.: Институт международных отношений, 1963. – 158 с.
4. История дипломатии : в 3 т. – М.–Л.: ОГИЗ – Гос. изд-во пол. литературы, 1945. – Т. 3 : Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939) / под ред. В. П. Потёмкина. – 884 с.
5. Космач, В. А. Германия на Генуэзской конференции. Германо-советский договор в Рапалло и его последствия // Белорусская германистика: актуальные научные проблемы и этапы развития. К 100-летию основателя научной школы советской белорусской германистики Т. М. Трухнова : материалы Республиканской научно-теоретической конференции, г. Минск. 2 декабря 2008 г. / отв. ред. Г. А. Космач. – Мн.: БГПУ, 2008. – С. 91–103.
6. Павлов, Н. В. История внешней политики Германии. О Бисмарка до Меркель / Н. В. Павлов. – М.: Международные отношения, 2012. – 800 с.
7. Сидоров, А. Ю., Клейменова, Н. Е. История международных отношений. 1918– 1939 г. : учебник / А. Ю. Сидоров, Н. Е. Клейменова. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 640 с.
8. Системная история международных отношений : в 2 т. / под ред. А. Д. Богатурова. – М.: Культурная революция, 2006. – Т.1 : События 1918–1945 годов. – 480 с.
9. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора : сб. документов : в 2 т. – М.: Политиздат, 1971. – Т. 2 : (1919–1922 гг.). – 596 с.

10. Космач, В. А. Накануне и после Рапалло: Беларусь и Германия в 1920 – начале 1930- х годов (страницы истории) / В. А. Космач. – Псков: Издательство «Логос», 2017. – 356 с.

11. Горлов, С. А. Совершенно секретно: Альянс Москва – Берлин, 1920–1933 гг. (Военно- политические отношения СССР – Германия) / С. А. Горлов. – М.: ОЛМА – ПРЕСС, 2001. – 352 с.

12. Дьяков, Ю. Л., Бушуева, Т. С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. Неизвестные документы / Ю. Л. Дьяков, Т. С. Бушуева. – М.: Советская Россия, 1992. – 384 с.

13. Кантор, Ю. З. Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии 20–30-х годов / Ю. З. Кантор. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 383 с.

14. Шикорад, А. Б. Россия и Германия. История военного сотрудничества / А. Б. Шикорад. – М.: Вече, 2007. – 400 с.

15. Zeidler, M. Reichswehr und Rote Armee. 1920–1933. Wege und Stationen einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit / M. Zeidler. – München: Oldenbourg, 1993. – 375 s.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ